

12. Хайдеггер М. Преодоление метафизики / М. Хайдеггер // *Время и бытие*. – М., 1993. – С. 177–192.
13. Шевцов С. В. Метафизика и мифология поэтического мышления. Античность – современность: со-бытийный диалог / С. В. Шевцов. – Д., 2007.
14. Heidegger M. On the Way to Language / M. Heidegger. – N.-Y., 1971.
15. Transcendental Arguments and Science. Essays in Epistemology. – Dordrecht etc., 1979.
16. Whorf B. Language, Thought and Reality / B. Whorf. – Cambridge, 1956.

Надійшла до редколегії 20.01.11

УДК 130

В. Э. Закревский

*Институт вищої освіти Національної академії
педагогічних наук України (м. Київ)*

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Исследована проблема комплексного подхода к изучению закономерностей современного исторического процесса и особенно обратного воздействия постмодерна на глобализацию.

Ключевые слова: постмодерн, постмодернизм, глобализация, глобализм, мораль, социальная этика.

Досліджена проблема комплексного підходу до вивчення закономірностей сучасного історичного процесу та зокрема – зворотного впливу постмодерна на глобалізацію.

Ключові слова: постмодерн, постмодернізм, глобалізація, глобалізм, мораль, соціальна етика.

The problem of integrated approach to the study of patterns of contemporary historical process and especially the reverse effects of postmodernism on globalization.

Keywords: post-Modern, postmodernism, globalization, globalism, morality, social ethics.

Проблема заключается в том, что взаимосвязь глобализации и постмодернизма находится на периферии научных интересов социогуманитарного сообщества, и посему до сих пор не получила адекватного осмысления и определения. Полагаем, что назрела настоятельная потребность в поиске точек соприкосновения глобализационных и постмодернизационных процессов, современниками которых мы являемся. Особо интересной представляется задача вы-

явления и актуализации гуманистического потенциала современной социокультурной динамики.

Различным аспектам теоретического пространства проблемы «глобализация – постмодернизация» посвятили свои изыскания великое множество исследователей. Приведем лишь небольшую часть из них. Дальнее зарубежье: Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Делез, М. Фуко (Франция), В. Вельш, Х. Кюннг, Д. Кампер, Б. Гройс, К. Аппель, А. Козловски, С. Сулейман, Ю. Хабермас (Германия) Д. Барт, У. Джеймс, Ч. Дженкс, Р. Рорти, А. Хайсен, И. Хасан, А. Макинтайр, М. Мак-Люен, О. Марквард, Ф. Джеймсон, (США). А. Крокер, Д. Кук (Канада) М. Роз (Австралия), М. Шульц (Чили), Ф. Гваггари, У. Эко, Дж. Ваттимо (Италия); Украина: Н. Михальченко, Г. Зинченко, В. Лях, В. Лукьянец, О. Соболев, В. Табачковский, И. Цехмистро, В. Ярошевец, М. Савельева, О. Хома, В. Огороков, С. Купецал; Россия: Л. Андреев, О. Вайнштейн, С. Зенкин, Г. Косыков, В. Курицын, Л. Маркова, П. Филиппов, А. Якимович, В. Бычков, И. Ильин, В. Курицын, В. Подорога, М. Рыклин, М. Эпштейн, Б. Ямпольский.

1. *Глобализация.* Из множества характеристик глобализации автор концепции медиакультуры и «технокапитализма» Д. Келлнер выделяет «... общую гомогенизацию культуры и повседневной жизни, угрозу национальной и местной культуре и неприкосновенности традиций» [9, с. 6]. На основе критической теории, данным автором разработан оригинальный понятийно-терминологический аппарат, предназначенный для анализа современной социокультурной действительности. Отличительной особенностью критического подхода Д. Келлнера к анализу глобализма является системное видение взаимосвязи различных его уровней – политического, экономического, информационного, технологического, социокультурного. Многообразная феноменология глобализма в таком случае предстает четко структурированным теоретическим конструктом, достоверно раскрывающим суть динамики современной мировой социальной системы.

Определяющим фактором глобализации Д. Келлнер считает коммуникативный. В частности, он определяет социальное взаимодействие как «... территорию соперничества – *contested terrain*», в пространстве которой активно применяются визуальные и нарративные технологии воздействия на общественное сознание [9, с. 9]. Постмодернистски ориентированные исследователи, (неомарксисты, функционалисты, веберийанцы, представители мирсистемного подхода), склонны отождествлять глобализацию и современность, а также рассматривают современный этап мирового социального процесса «...как новую культурную логику капитализма» [9, с. 9; 13]. Глобализация ведет к негативной стандартизации образа жизни этнонациональных общностей, омассовлению культуры, утрате традиций, в русле отрицания любых форм тотальности: «Постмодернисты... защищают локальный уровень, многообразие, различия и неоднородность» [9, с. 11].

Позитивный социальный эффект глобализации усматривается в огромном потенциале комбинаторики глобального и локального, откры-

вающим невиданным ранее горизонты творческого развития мировой социокультурной динамики. Однако Д. Келлнер полагает, что: «Глобализация замещает дискурсы модернизации..., скрывая их оценочный характер за относительно нейтральным термином» и несет человечеству, как позитив, так и негатив – «инновацию и деструкцию» [9, с. 6, 12].

Один из ярких представителей социального крыла учения модернизации Ж. Деррида несколько иначе трактует экстерриториальность глобализма «...мы никогда не должны, ни в форме культурного релятивизма, ни в виде поверхностной критики евроцентризма, отказываться... от острой потребности универсализации..., которая влечет нас к тому, чтобы искоренять, де-территоризировать, де-историзировать это наследие, оспаривать... ограничения и эффекты... гегемонизма, который колеблется между космополитизмом... и поднимающимся над нацией демократическим Интернационалом» [5, с. 129]. В силу зыбкости теоретических дефиниций постмодернизма в целом, а тем более его отдельных представителей, трудно улавливать четкое разграничение между интерпретацией понятий «тотальность» и «универсальность». Смысловые конструкты порой приходится извлекать почти интуитивно-контекстуально.

Универсалистское социально-этическое кредо Ж. Деррида достаточно определенно обнаруживается в гневном осуждении военной интервенции «сильных» государств против «слабых», камуфлируемое риторикой о защите прав человека. В связи с этим несколько наивно-романтической выглядит выдвинутая им социальнo-политическая инновация – принятие принципиально новой Декларации Прав Человека, хотя общеизвестно, что и действующая Всеобщая Декларация Прав Человека не соблюдается в первую очередь ревнителями всеобщей свободы и демократии [5, с. 131].

Хотя Ж. Деррида открыто осуждает США за сохранение бесчеловечной практики смертной казни, он в то же время склонен возлагать ответственность за мировое зло – «...безграничный долг перед прошлым» на недифференцированное абстрактное человечество» [5, с. 131]. К современному порокам» глобализма Ж. Деррида, вполне справедливо, относит коммуникативное киберпространство, уплотнившее жизненный мир человека и робототехнику, поставившую «вне труда часть людей», благодаря его виртуализации. [5, с. 131].

Украинский исследователь Л. Г. Ионин солидарен с Ж. Деррида в том, что социальный постмодернизм исповедует антитоталитаризм, предполагающий отказ от целого, полностью определяющее части [7]. Действительно, если рассуждать в сослагательном наклонении, то было бы вполне оправданным немецкому народу, хотя бы в целях самосохранения, отказаться от гитлеровского государства – преступника, проповедавшего идею мирового господства. К тому же такая возможность была. Наметившееся в одной из земель противостояние крестьян и властей по поводу незаконного отторжения земельных угодий, разрешилось в их пользу. Фашистский режим отступил.

Видимо, в определенной мере, вину за историческую трагедию Второй Мировой войны можно возложить на немецкий народ, кото-

рый оказался послушной толпой: «Масса, лишенная слова... всегда распространяется перед держателями слова, лишенными истории. Восхитительный союз тех, кому нечего сказать, и масс, которые не говорят» [1, с. 11]. В этой связи наш недопустимый с научной точки зрения дискурс «Если бы...» оправдан, так как Ж. Бодрийяр считал причиной «невозможной истории...» «нереализованные своевременно «молчаливым большинством» возможности социальной активности [1, с. 11].

Сторонник эволюции модерна, плавно трансформировавшегося в постмодерн, Л. Г. Ионин, полагает, что: «Глобализация – апофеоз модернистского прогрессизма» [7, с. 7]. Данный автор, вслед за Ж. Деррида, одним из сущностных свойств современного мирового социума считает его психолого-идеологическую однородность. Разумеется, данное утверждение в большей мере справедливо в отношении социально-политических реалий, нежели национальных и этнокультурных. Однако в работе «Социология культуры: путь в новое тысячелетие» Л. Г. Ионин, противореча самому себе, выдвигает несколько иную трактовку, которую мы полностью разделяем: «Не идеология будет служить орудием легитимизации власти, а власть орудием легитимизации идеологии, то есть, реализации виртуального продукта» [8, с. 154]. В то же время, категорически не приемлем тезис о виртуализации (практическом устранении) насилия в современном мире, а также пессимистическая констатация относительно инфляции общечеловеческих ценностей, которые не способны быть основой гуманистической интеграции мирового сообщества. Оттого, что ценностный консенсус еще никогда не был достигнут в межобщественном взаимодействии не следует, что это не произойдет никогда. А раз так, то возможен любой дискурс на эту тему [6].

2. *Модернизация.* Актуальным на данном этапе мирового социального процесса является вопрос о способе детерминации его динамики. Что же действительно первично *онто*-детерминация или *эпистемо*-детерминация? Либо это процесс диалектический и поиск первоначала в подобен бесплодному определению первичности курицы или яйца? В связи с поставленной проблемой следует отметить, что при огромном количестве работ, посвященных дифференцированию глобализации и постмодернизму, лишь малая их толика приходится на исследование взаимосвязи этих основополагающих феноменов мирового социального процесса.

Полагаем, что все-таки первичными являются объективные инновационные социально-экономические процессы, закономерно обнаруживающие себя в глобальной эволюции мирового сообщества. Глобальная же социокультурная динамика, неотъемлемой составляющей которой является постмодернизм, безусловно, оказывает обратное воздействие на развитие и трансформацию глобализационных процессов: «...большинство авторов работ, посвященных феномену глобализации, лишь изредка упоминают постмодернизм, как современное философское течение, косвенно причастное к формированию актуальной картины мира, и не погружаются в анализ взаимосвязи двух феноменов» [3, с. 81]. Дополнительным инструментом экономической глоба-

лизации В.П. Шалаев считает постмодерн [11]. Полагаем, что убедительной аргументацией, обосновывающей выдвинутое выше утверждение могут служить общеизвестные описательно-объяснительные характеристики современной культуры, а также места и роли социального индивида в ней, наработанные философией.

Большинство исследователей, избравших предметом своих исследований современную культуру почти единодушны в том, что ее унификация оказывает в целом негативное воздействие на мировую социокультурную динамику. Однако наметилась и иная позитивная тенденция в прогнозировании направлений развития мировой культуры. И заключается она в том, что единство культуры должно приобретать такие качества и свойства, которые открывали бы невиданные ранее возможности для гуманизации межобщественного взаимодействия и развития человека. Так С. Бородавкин ставит «...вопрос о такой культуре, которая была бы приемлема в основных чертах для всех народов» [2, с. 36]. Данный автор убежден в необходимости универсализации культуры. Впрочем, он заходит так далеко, что считает существенным препятствием на этом пути религиозную дифференциацию мирового социума. Косвенным образом, так сказать, от противного им поставлена задача создания универсальной мировой религии. Данная идея не нова. О необходимости новой всеобщей религии писал еще Ф. Гегель.

Самым убедительным воплощением подобных устремлений и надежд оказалась синтетическая религия Бахаи, скомпонованная основными смысловыми конструктами мировых религий. И хотя с момента ее зарождения прошло уже сто шестьдесят лет, последняя не стала основополагающим духовным феноменом современности. Представляется более целесообразным, в полном соответствии с потребностями сегодняшнего глобализованного времени, выделение из мировых религий некоего социально-этического инварианта, и преобразование его во вторичный социокультурный феномен, предназначенный для подлинно гуманистической интеграции духовно-нравственного потенциала огромных масс людей, верящих в И. Христа, Аллаха, Будду.

Социальная технология, пригодная для реализации данной методологии, благодаря богатым возможностям современных средств массовой коммуникации, достаточно проста. И ее определяющая направленность может состоять в целенаправленном единстве потоков, циркулирующих в мировом информационном пространстве. Однако вместо движения по данному конструктивному пути процветает переобразование в свою веру иноверцев: «Постмодерн... перерос свою культурную форму и стал достоянием всей культуры. Его существенные проявления – творческое экспериментирование, смешение понятий, ценностей, установок, стилей мышления и деятельности, всеохватывающая творческая игра, проникающая в науку, образование, политику, экономику, юриспруденцию, архитектуру и даже религию» [11, с. 145].

Состояние мировой культуры, присущее современному ее постмодернистскому измерению, по Г. Хартману – «метакультура» не представляется данному автору подлинной основой ни для интеграции, ни для

конфликта [14] Если с первой частью данного утверждения можно согласиться, то вторая вызывает недоумение, поскольку преобладающая часть социальных философов, культурологов и социологов убеждена в обратном. Именно межкультурные различия определяют направленность и характер современного мирового социального процесса.

Для нас представляется очевидным, что основой социально-этического объединения этнонациональных общностей планеты, в условиях набирающих силу дезинтеграционных центробежных процессов, все больше разносящих их друг от друга, может служить только общечеловеческая мораль. Как бы архаично не звучало это утверждение в анархическом хаосе постмодерна, тем не менее, достойной альтернативы данному социально-этическому феномену не существует.

Фабула американского кинофильма «Апокалипсис», созданного на мутной волне сенсационной шумихи вокруг конца света 2012 г., развязанной мировыми средствами массовой коммуникации, в общем и целом этически позитивна. Перед лицом глобальной природной катастрофы, угрожающей существованию всего человечества, межкультурные, религиозные и идеологические различия отступают на второй социальный план. Предверие Общей Смерти в одночасье превратило всех обитателей планеты просто в людей, способных силой единения помочь друг другу и предотвратить апокалипсис. При этом интрига одной из сюжетных линий заключается в том, что политическая элита скрывала от простого народа информацию о надвигающейся катастрофе. Х. Шрадер определяет «...мораль функционально как интернализированный принцип управления, который подвергает эгоистическое действие определенным ограничениям в пользу общественной жизни; ...важна ... постконвенциональная мораль как указание к индивидуальности и коллективному действию» [12, с. 58].

Препятствиями на пути создания такого рода мирового социально-этического конструкта являются, в первую очередь, деформированные постмодерном, сущностные силы современного человека. И, во вторую очередь, сугубо эпистемологический консенсус социогуманитарного сообщества. Трудность состоит в том, что если подобного рода консенсус и будет достигнут, на пути его преобразования во вторичный социокультурный феномен встанет, как это ни парадоксально, человек эпохи постмодерна.

Необходимо отметить, что инициатива и добрая воля относительно реализации данного глобального социально-этического проекта, скорее всего, не будет исходить от политической элиты. Последняя центрирована в самореализации и продвижении интересов своих стран на традиционные военно-политические и экономические рычаги, а также на неустойчивые компромиссы между «сильными» – субъектами и «слабыми» – объектами государственными образованиями.

Современному человеку присущи дискретность сознания, ценностно-смысловой релятивизм, неустойчивость жизненного стиля, отсутствие целенаправленно реализуемой стратегии жизни. Деформированные сущностные силы человека эпохи постмодерна являются благодатной почвой для манипулирования его сознанием и

управления социальным поведением, предпочтительным, прежде всего, политическому руководству по причинам, тщательный анализ которых не входит в задачи данной работы.

С. Бородавкин определяет современного социального индивида так: «Это в некотором смысле бифуркационный, эгоистичный, беспринципный, аморальный, но цивилизованный в своих потребностях человек. Для глобализации в ее нынешнем, экономически ориентированном, исполнении, только такой человек и нужен. Именно такой человек и стал главным субъектом идущей сегодня глобализации, ...инструментом экономической цивилизации общепланетарного масштаба» [2, с. 39].

Очевидная повсеместная социально-политическая пассивность народных масс обусловлена многими факторами и предпосылками, системным осмыслением которых заняты лучшие умы человечества. Если задуматься о состоянии сознания современного человека, то становится ясным, что в полном соответствии с основными постулатами постмодернизма, он предпочитает чувства и эмоции, а не «рацию», добровольно отказываясь от, дарованной Богом и конституцией, интеллектуальной и моральной свободы.

Несмотря на неустанное превознесение постмодернизмом прав и свобод субъекта, человек эпохи глобализации предпочитает «прятаться» от стрессогенных воздействий социальной среды в собственном подсознании, в суверенном и уютном чувственно-эмоциональном мире. Чутко улавливая господствующую социально-психологическую доминанту, глобальные манипуляторы с усердием, достойным иного применения, наполняют жизненный мир социальными «игрушками», предназначенными для устранения огромных масс народа, и в первую очередь, молодежи от активной социально-политической деятельности: «Разум при этом пытаются отодвинуть и заглушить то при помощи алкоголя и наркотиков, то при помощи гипнотических ритмов рока и рэпа, то посредством порно-пропаганды» [2, с. 35].

Один из героев романа Г. Миллера «Тропик Рака» следующим образом определяет свое жизненное кредо: «Я не хочу быть благо-разумным. Не хочу быть логичным! Я ненавижу это! Я хочу наплевать на все на свете и получать от жизни удовольствие» [10, с. 192]. Один из противников философов постмодернизма Д. Даттон определяющими характеристиками современной массовой культуры считает «полную свободу художественной интерпретации» [4, с. 27]. Как известно, излюбленными формами так называемого «современного искусства», становятся бессмысленные инсталляции, нездорово-злая ирония в отношении общепризнанных ценностей культуры, ломпенское осмеяние всего подлинного, авторского, оригинального. Трагическое незаметно трансформировалось в парадоксальное, великое уступило место комическому. На разговорной эстраде безраздельно господствует пародия.

Показательным в данном отношении социокультурным феноменом стал конкурс двойников «Большая разница» (2010, Одесса, оперный театр), величественно обозванный первым международным фестивалем пародий. Из тусклого ряда узнаваемых образов и избитых сюжетов рез-

ко виділявся певец, який в образі В. Высоцкого і на мотив його пісні «Я не люблю...», виконав злу сатиру на гламурно-бесмысленную російську естраду. Неподобнаюча столь легкому жанру серйозність соціального звучання тексту викликала легкий отороп у журі і конкурсант ніякого місця не заняв. Ведь основная задача эстрады развлечь «здесь и сейчас», а не пригласить к раздумьям. «Эстетика» гламура, безраздельно господствующая в настоящее время агрессивна. Знаковым является даже место проведения фестиваля пародий – Одесский оперный театр. По существу это скрытая форма уравнивания солидной классики и неприхотливого эстрадного шоу.

Социальная трагедия заключается в том, что на каком-бы низком художественном и моральном уровне не преподносились подобного рода развлекательные действия – зрительные залы полны. Мы разделяем точку зрения Л. Г. Ионина относительно того, что: «... постмодерн – это новая когнитивная эпоха, черты которой проявляются в особенностях художественной жизни» [8, с. 9].

Выводы. Конструктивным подходом к всеобъемлющему изучению глобализации может быть только системный. Одному исследователю и даже коллективу ученых такая задача непосильна, поскольку объем накопленного фактического материала слишком велик. Проблематика глобализации многообразна, соответственно широко и тематическое поле исследовательских интересов. Феномен глобализации присущ всему мировому сообществу, а рефлексирование его качеств и свойств осуществляется, хотя и достаточно интенсивно, тем не менее, дифференцированно и локально.

Системное освоение и адекватное теоретическое выражение особенностей современного мирового социального процесса возможно на пути более интенсивной интеграции различных отраслей общественности на основе согласованной методологии. Только такой подход позволит выявить и зафиксировать понятийно как избыточность интеллектуального продукта, так и его недостаточность по тем или иным направлениям и аспектам исследовательской программы, свободной от политико-идеологической заангажированности. Не осуществив переход на предлагаемый уровень освоения онтофеноменологии глобализации и постмодерна, невозможно выявить и определить обратное воздействие глобализма и постмодернизма на характер и особенности современного этапа исторического процесса.

Библиографические ссылки

1. **Бодрийар Ж.** В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар. – Екатеринбург: Апулей, 2000. – 245 с.
2. **Бородавкин С.** Гуманизм в культуре и культура в гуманизме / С. Бородавкин // Здравый смысл. – 2008. – № 2 (47). – С. 32–40.
3. **Гордеев И. В.** Особенности глобальной политики в эпоху постмодерна / И. В. Гордеев // Власть. – 2008. – № 3. – С. 79–82.
4. **Даттон Д.** Заблуждения постмодернизма / Д. Даттон // Литература и эстетика. – 1992. – № 2. – С. 23–35.

5. **Деррида Ж.** Глобализация, мир и космополитизм / Ж. Деррида // Космополис. – 2004. – № 2 (8). – С. 125–140.
6. **Закревський В. Е.** Арттип досконалої людини як феномен суспільної свідомості : автореф. дис. ... канд. філос. наук / Володимир Єнгельсович Закревський. – Одеса, 2002.
7. **Ионин Л. Г.** Новая магическая эпоха / Л. Г. Ионин // Постмодерн: новая магическая эпоха. Международная научная конференция. 6–8 октября 2001 г. : тезисы докл.; Международный фонд «Возрождение». – Х., 2001.
8. **Ионин Л. Г.** Социология культуры: путь в новое тысячелетие / Л. Г. Ионин. – М. : Логос, 2000. – 431 с.
9. **Келлнер Д.** Глобализация и постмодернистский поворот / Д. Келлнер // Без темы. – 2008. – № 3–4 (9). – С. 5–12.
10. **Миллер Г.** Тропик Рака / Г. Миллер // Иностранная литература. – 1990. – № 8. – С. 189–201.
11. **Шалаев В. П.** Бифуркационный человек в эпоху Глобализации и Постмодерна / В. П. Шалаев // Материалы Второй всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения-2005. Будущее России: стратегии развития». 14–15 декабря 2005 г. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2005. – 289 с.
12. **Шрадер Х.** Глобализация, (де) цивилизация и мораль / Х. Шрадер // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. Вып. 2. – С. 54–61.
13. **Giddens A.** The Consequences and modernity / A. Giddens. – Cambridge and Palo Alto: Polity and Stanford University Pres, 1999. – 233 p.
14. **Hartman H.** Clash of Cultures, When and Where? Critical Comment on a New Theory of Conflict / H. Hartman // International Sociology. – 1995. – Vol. 10. № 2. – P. 134–142.

Надійшла до редакції 26.01.11

УДК 130.122:17:111

А. Є. Залужна

*Національний університет водного господарства
та природокористування (м. Рівне)*

МОРАЛЬНІ ТА ЕСТЕТИЧНІ ЦІННОСТІ В НЕКЛАСИЧНИХ МОДЕЛЯХ ФЕНОМЕНОЛОГІЧНОЇ АКСІОЛОГІЇ

Проаналізовано особливості феноменологічної аксіології вагомих представників нової онтології ХХ ст. М. Шелера та М. Гартмана. Відстежений онтологічний фундамент об'єктивної царини цінностей та її самовивлення в актах емоційної інтуїції.

Ключові слова: цінності, моральні цінності, естетичні цінності, феноменологічна аксіологія, інтенційність, матеріальне апіорі, емоційна інтуїція.